

Для участника

**Всероссийская олимпиада школьников
муниципальный этап**

2021—2022 учебный год

Литература

11 класс

Максимальное количество баллов – 90.

Общее время выполнения работы – 6 академических часов (270 мин.)

Внимательно прочитайте задания. Ответы записывайте в тетради, в виде связного, цельного, завершённого текста в прозаической форме. Задания можно выполнять в любом порядке. Соблюдайте правила русского языка и нормы речи. Дополнительные материалы и средства связи использовать не разрешается.

Задание 1. Комплексный анализ литературного произведения

Проведите комплексный анализ *одного* из двух художественных текстов, помещённых ниже (прозаического Текста 1 *или* поэтического Текста 2). Учитывайте инструкцию к ответу, расположенную перед текстом произведения. Работу выполняйте в связной и логичной форме, опираясь на знания в области теории и истории литературы.

Оцениваются навыки анализа и интерпретации произведения, логико-композиционная цельность сочинения, владение понятиями и терминами литературоведения, обращение к историко-литературному и культурному контекстам, грамотность.

Текст 1.

Прочитайте рассказ Бориса Пильняка «Жулики». Присмотритесь к художественным особенностям произведений — своеобразию композиции, системе персонажей и отношений. Как раскрывается в рассказе смысл его заглавия?

Борис Пильняк

ЖУЛИКИ

Письмо и повестка пришли одновременно, привезли их вечером. – Пусть прошло семь лет с того июльского дня, когда в селе, – в сенокосном удушьи они, она и он ходили в церковь венчаться и поп все посматривал в окно – не пойдёт ли дождь, не опоздать бы ворошить сено – тогда он настаивал на церкви, и она, стоя под венцом, всё хотела собрать мысли и перевспомнить всю свою жизнь – и не могла, следила за батушкой и за тучей на горизонте: и, правда, пошел дождик, и батушка из церкви побежал в поле копнить... – пусть прошло семь лет, пусть сейчас вечер: не могли не поникнуть и руки, и голова и вся она, – именно потому, что время идет, время уносит ничего не вернешь, все проходит. У женщины в тридцать семь любовь, многое – позади; у мужчин в тридцать семь только разве замедлились чуть-чуть движенья дней и вечеров.

Решить надо было б правильно и просто – так, что письма и повестки из суда, где стоит казенное слово «ответчица», не было: – все кончено без судов, кончено временем, и его правом сильного, и ее гордостью, – и надо было бы вновь взять ведро и пойти к колодцу за водой, и полить рассаду (огромная радость сеять в земле и видеть, как

возрастает тобою посаженное!): – заспешила, вспомнила, какие тряпки в чемодане надо отобрать, что взять с собою... – пусть стрижи за окном летают, обжигают воздух так же, как каждую весну: все – пусть!

Что же, у нее есть труд, у нее есть труд впереди, есть заботы, у нее будут вечера, – надо жить: надо жить!

Сторож Иван, – он же кучер, он же дворник, он же: – ну, как каждый день не ругать его, когда ему говоришь про Фому, а он отвечает Ерёмой?! Он сказал, что пароход проходит теперь на заре, надо выехать с полночи. И в полночь Иван потащил по грязям на телеге – полями, просторами, непокойным рассветным ветром; рассвет отгорел всем земным благословением; а на берегу узналось, что пароход будет только к вечеру: Иван покряхтел, помотал головой, и уверив, что скотине дома никто без него толком не задаст, уехал обратно. На воде, у берега стояла мертвая конторка, на горе прилепилась изба. На пороге избы сидела баба. Бессонная ночь вязала движенья и нельзя было додумывать мыслей.

Баба от избы покликкала, сели рядом, на пороге.

– Вы, что же, сторожами здесь живете?

– Муж мой лесным сторожем служит. Сами мы дальние. Детей у меня четверо, четыре сына.

И так и запомнился этот день – пустой, с пустой конторкой, с избой над рекою, – и со счастливой женщиной. К полдням все уже зналось, – что эта баба счастлива, что она и ее муж хохлы (так сказала она), киевляне, – что муж ее тихий и добрый человек, двадцать лет служил у немца-колонииста, и немец любил его за доброту (немец иной раз и бивал мужа, но муж был добрый, незлобивый, не сердился, а немец любил: даже корову собственную разрешал держать), – что на Украине у нее дочь, замуж вышла, детей народила, внучат; старший сын ее теперь тоже лесником служит, женился было, да неудачную жену себе взял, все с другими мужиками бегаёт, – собирался было разводиться, пошли в волость расписываться, но в волости затребовали рубль шесть гривен: – так и не развелись, денег жалко; остальные три сына при отце живут, один комсомолец, – а жалования муж получает, слава богу, восемь рублей на своих харчах. Была эта баба морщиниста, как старый гриб, ходила в красном платке, и была, была счастливой безмерно, всем на этом свете довольной: комсомолец, сын ее, теперь ходил на раскопки, – рыли курган, вырывали гроба из веков, – платили ему тридцать копеек в день, дуром валились деньги, – и нельзя было исчерпать бабиного счастья. В избушке на горе было по-малороссийски чисто, выбелено известью, – от русской печи сидеть там было душно и мухи донимали: сидели все время на пороге. Приходили в заплдни муж и сыновья, обедали, посадили и гостью за стол, ели из общей миски щи из свежей крапивы; мужчины были молчаливы, поели, покрестились и легли в тени у дома спать; и гостью отвели спать – в сарай на сено; разбудили к чаю: самовара не было, кипятили воду на костре, у костра и попили чаю; отец взял винтовку, пошел в лес, сыновья пошли по своим делам; и опять старуха говорила в счастье, о том, что муж незлобивый, ему и в морду можно дать. Послеобеденный сон скомкал время, баба говорила тихо и внимательно, и казалось, что изба эта, и эта баба, и ее дела, и сыновья, и муж – известны с испокон веков, и не было сил – хотя бы внутренне бунтовать против этого бабиного счастья: все было все равно.

И в этом безразличии отсвистел пароход, потащил мимо сумеречных берегов, в соловьином крике, в плеске воды под колесами. И безразлично прошел уездный городишко в пыли, где надо было пересаживаться с парохода на поезд. На минуту странным показалось наутро, что вчера поля и деревья были зелены, а нынче здесь, где мчал поезд, было еще серо. И вечером была Москва. Ничто не заметилось.

И новой ночью в номере на Тверской опять логически ясной стала нелепость приезда: были, любили, разошлись, ей никак не нужна выпись из постановления суда о том, что – «такой-то районный суд слушал и постановил» – быть ей свободной от прежних

морозов и зацветать для новой любви, – новой любви у нее не было; новая любовь была у него, – но и о ней она ничего не знала, ибо его не было около нее вот уже три года. Что ей? – что же, она агроном, она горда!..и она горько плакала этой ночью, первый раз за эти дни.

В суд надо было явиться в 11, и она пришла без пяти одиннадцать. Он встретил ее в дверях, пошел навстречу, улыбнулся дружески, сказал:

– А я думал, что ты не придешь, стоило по пустякам тащиться, я бы прислал тебе выпись... – и замаялся, и сказал, о чем писал уже в письме: – мне неприятно было посылать тебе повестку, это глупое слово «ответчица», словно ты подсудимая. Ну, как поживаешь, как дела?

Ответила:

– Конечно, глупо было приезжать, но у меня скопились еще дела по службе. Живу по-прежнему, много работы.

– Ты где остановилась, когда приехала?

– На Тверской, в гостинице. Приехала вчера вечером.

– Почему же ты не приехала прямо ко мне? Сейчас же после суда поедем, я перетащу твои вещи. Ведь мы же друзья, ведь никто не виноват, Аринушка, милая...

Она ничего не ответила. Он понял, что она не может быть искренней. Но она делала все усилия, чтобы быть простой.

Судья спросил: сколько лет, как зовут, что вы имеете против? – какую фамилию вы хотите носить? – Он, «истец», сказал: – «Я бы хотел, чтобы ты оставила мою фамилию». – Она не думала об этом, она залилась кровью, ей показалось, что ее оскорбляют, – она сказала растерянно:

– Да, я хочу оставить фамилию мужа.

Судья попросил расписаться, объявил, что за выписью из постановления суда надо прийти завтра.

– Можно идти? – спросила она судью.

– Да, все уже кончено, – ответил муж.

– Поедем к тебе за вещами.

Они выходили из суда, мимо них провели за штыками арестованных.

– Я поеду сейчас в наркомат, – ответила она. – У меня будет очень занято время. Ты возьмишь завтра выписку, тогда пришли ее мне в деревню. Всего хорошего, – и она протянула руку.

Он не взял руки, он заволновался.

– Послушай же, ведь мы любили друг друга, мы останемся друзьями. Невозможно расстаться так.

– Не забудь прислать выписку, она мне очень нужна. Ну, конечно, у нас нет поводов ссориться. Я просто буду очень занята, – она улыбнулась, тряхнула бодро рукой. – Давай руку.

– Что же, все кончено? – спросил он.

– Выходит так, – ответила она. – Прощай, я спешу.

Она поехала на городскую станцию купить билет.

И в этот же день вечером она ехала обратно. С ней в купе, в полупустом поезде сидел старик в чесучевом пиджаке, кряхтел, ел колбасу из корзиночки, отрезая мелкими ломтиками, приносил на станциях в чайнике воду. На ночь они оба забрались на верхние полки.

И поздно ночью в купе пришли двое, забрызганные грязью, в сапогах, в кожаных куртках, с портфелями, – от них пахло распутицей, бессонницей, напряженной работой, бодростью, табаком. Ехали они, должно быть, недалеко, – не раздевались, открыли окно, закурили, разговаривали.

Разговаривали они о кооперации, были, должно быть, кооперативными работниками, – говорили о неудачах и победах кооперации, об ее буднях, о ее

практической работе, о том, что русская кооперация еще не созрела, чтобы торговать обувью и одеждой, что не удастся так же кооперативная торговля мясом, – говорили просто, буднично, чтобы убить время. Потом надолго заговорили о служащих в кооперации, о приказчиках, кассирш, весовщиках, сторожах. Большой процент неудач кооперации они возлагали на неподготовленность кооперативных служащих. За предпосылку, правильную, как аксиома, они брали правило, что каждый приказчик, заведующий лавкой, кассир – жулик, и обсуждали, как этого избежать, или как сделать, чтобы жульничали меньше. Слова жулик они не употребляли, оно вытекало само собою; они говорили что каждый служащий берет себе и своей семье бесплатно мясо, масло и вообще все, чем торгует (мясная торговля не удастся именно потому, что никак нельзя проконтролировать, сколько вышло фунтов разных сортов мяса из данной туши), что даже у членов правления есть обычай «христа-славить», то есть «завертывать» себе по фунтику того и другого. Один из собеседников рассказывал, что иной раз приказчики проворовываются явно и тогда неизвестно, как с ними поступать: рассчитать, отдать под суд? – во-первых, огласка, а во-вторых, на его место придет второй такой же, а отданный под суд потянет за собой и всех остальных, и надо налаживать дело вновь. Второй доказывал, что прогонять не надо, разве уж в очень редких случаях, – а лучше приказчика держать на такой грани, чтоб он чувствовал, что догадываются, что он жульничает: никому не охота прослыть вором, – ну, его и держать на этой грани в страхе, как бы не ославился он вором.

Потом они ушли, эти два кооператора, – в ночь, в деревню, на полустанке. Когда поезд тронулся, старик на полке поднялся, свесил ноги, посидел так недолго, слез, чтобы закрыть окно, и вновь сел на полку.

– Не спите? – спросил он. – Слышали, как разговаривали? О том, что у человека честность может быть, – об этом ни слова не сказали. Так, стало быть, и есть на самом деле. Мне вот что непонятно, уж и не знаю почему, – только чужого я никак не возьму и всегда не понимал, как это делается. Слышали, как разговаривали? – не о людях, а о номерах, – об инструментах плохого качества.

И тогда она поняла, что самое существенное в ее поездке – убогое счастье бабы над рекой и этот ночной разговор. Да, жизнь каждого человека связана так, что – не все ли равно будет, если его, человека, взять с поправкой на испорченную машину, испорченную жульничеством, безграмотностью, ложью, любовью, – связанную государственностью, трудом, куском хлеба, – тою же любовью. И, быть может, счастье на самом деле в том, чтоб быть связанным так, когда нет рубля шестидесяти копеек на гербовую марку при разводе, как связана та баба над рекой, – как не связана она. Ей было оскорбительно слушать тех здоровых, что пришли и ушли ночью, от которых пахло весенней распутицей и здоровьем. Жизнь человека – большая обязанность, никак не в его воле, всячески связанная...

Старик напротив, проснувшись уже окончательно, заговорил, хотел поговорить подольше, спросил куда едет, где работает, – обрадовался, узнав, что она агроном, сообщил, что он уездный врач. За вагонным окном возникал рассвет. Она заговорила с ним, первый раз заговорила за эти дни, – хотела говорить.

Врач рассказал: ездил в Москву, там его дочь выходит замуж за инженера такого-то. Это была фамилия ее мужа.

Она спросила:

– За Григория Андреевича?

– Да, за него, – ответил врач. – А вы его знаете?

Она ответила односложно и легла на полке лицом к стене, сделав вид, что хочет спать. Он – этот старик – врач – стал врагом: он – вор, он украл...

Когда она слезла с парохода, она увидела, что избы над горою нет, там торчали одна лишь обгорелая печь да несколько недогоревших бревен. И ей рассказали о событии: в этой избе жила семья разбойников, грабивших на дорогах, убивавших людей, семья

выселенцев-малороссов, отец, четыре сына, мать. Когда пришла милиция их арестовывать, они стали отстреливаться, стрелял и одиннадцатилетний младший сын, и старуха-мать; в перестрелке убили отца и четырех сыновей: тогда старуха подожгла избу и умерла в огне.

Иван, говоривший всегда про Ерёму, когда с ним заговаривали про Фому, всю дорогу рассказывал подробности перестрелки, ставшие уже легендарными, и всячески поносил разбойников.

*Гаспра,
май 1925 г.*

Текст 2.

Прочитайте стихотворение Юрия Ряшенцева (род. 1931) «Вот, к двадцать первому веку привыкнув слегка...» Присмотритесь к роли цитат в стихотворении, к особенностям организации художественного времени и пространства, системе образных лейтмотивов.

Юрий Ряшенцев

* * *

Вот, к двадцать первому веку привыкнув слегка,
кто-то взгляд обратил на былые века,
кто-то, видать, натерпевшийся, наоборот,
хочет о прошлом забыть и грядущим живет.

А беззаботная песенка эта — она
выдана кем-то однажды на все времена.
Выдана кем, неизвестно — поется тобой.
Странно... Но крутится-вертится шар голубой.

Модная мистика с честным гаданьем — враги.
Ты от обеих (обоих?) судьбу береги.
Звезды коварны. А черви — лукавая масть.
Славно, что кавалер барышню хочет украсть.

Город прекрасен, как ад в представленьи ханжи:
дым и скворчанье, сверкающие этажи.
Может быть, жизнь бы совсем по-другому текла,
если б не эти кривые дома из стекла.
Ты — как под солнечной лупой. Ты дышишь с трудом.
Пекло!.. Но вон эта улица! Вон этот дом!

Вон этот дом. А иначе и быть не могло.
Разве судьбу заслонить нам способно стекло?
Есть у него и законное место — в окне.
Там, за окном, улыбнулись. Тебе? Или мне?
Жив ли ты, милый? Я тоже куда живой.
Полдень... И крутится-вертится над головой...

Максимальное количество баллов — 70.

Задание 2. Пропавшая фигура.

Перед вами иллюстрация к книге известного русского писателя. Но главная фигура пропала, вместо нее вы видите белый силуэт. Определите, **какое произведение иллюстрирует данный рисунок и какой литературный герой был изображен на месте пробела**. Обоснуйте свой ответ, опираясь на детали рисунка и свои знания русской литературы.

А как бы вы проиллюстрировали соответствующий эпизод произведения? В каком изобразительном стиле? Охарактеризуйте композицию вашей иллюстрации, какие элементы и детали вошли бы в нее? Свой ответ обоснуйте.

Максимальное количество баллов — 20.